

УДК 94

Д.А. КИРИЛЛОВ
(mitya.kirillov.02@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СЛУХИ ОБ УБИЙСТВЕ Г.Е. РАСПУТИНА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.
(по материалам дневников)***

Статья посвящена исследованию слухов об убийстве старца Г.Е. Распутина накануне революции 1917 г. Автор анализирует, каким образом слухи об убийстве Г.Е. Распутина отражены в дневниках современников событий. В исследовании подчеркивается, что слухи играли существенную роль в формировании общественного мнения и ожиданий, связанных с изменениями в политической жизни страны, вплоть до революции.

Ключевые слова: слухи, Г.Е. Распутин, революция, дневники, общественное настроение.

В последние десятилетия историческая наука все чаще обращается к исследованиям повседневности. Современные исследователи предпочитают использовать в своих работах междисциплинарный подход. Однако, рассуждая о методологии исторической науки Е.Г. Блосфельд заметила: «Смена научных парадигм и отказ от марксизма как единственной методологии исторического исследования в нашей стране привели к большему интересу к особенностям исторического познания, к появлению новых направлений (как и во всем мире), таких как гендерная история, история повседневности, локальная история, развился жанр исторического портрета. На этом пути появились отдельные интересные работы. Но одновременно наметились калейдоскопичность истории, мелкотемье, начали размышляться общие понятия и сам предмет истории» [3, с. 44].

Тем не менее, отрицать важность повседневной истории, на наш взгляд, является ошибочным, поскольку «все чаще в центре внимания современной исторической науки ставится проблема человека в истории, его психология, ментальность, историческая память, повседневность» [10, с. 36]. В этом контексте представляется перспективным изучение слухов.

Слухи являются предметом исследований многих гуманитарных наук. Е.В. Осетрова предложила следующее определение слухов: это «специфическое явление информационной природы, архаическое, насчитывающее тысячелетнюю историю, но одновременно актуальное, и своей формой, и своим содержанием участвующее в организации современной коммуникативной среды» [16, с. 63]. Социологи, философы и психологи трактуют слухи как устойчивую форму массового поведения. Филологи исследуют слухи в двух направлениях – как фрагмент языка и как феномен коммуникативной природы. Однако, как пишет Е.В. Осетрова: «Настоящая, устойчивая традиция осмысления слухов, насчитывающая полтора столетия и культивируемая именно на отечественной почве, существует лишь в пространствах русской историографии и фольклористики» [Там же, с. 66]. В своем курсе лекций по источниковедению советского периода, историк В.В. Кабанов отмечает, что в середине XIX в. первыми, кто обратил внимание на значение слухов как отражение общественного мнения были Н.А. Добролюбов и Г.В. Плеханов, которые призывали общественность их изучать и учитывать при характеристике общественного сознания. Если говорить про профессиональных историков, то впервые о слухах начали писать А.З. Попельницкий и И.И. Игнатович. В их трудах описывались настроения крестьян после отмены крепостного права и анализировались в контексте этого слухи [Цит по: 9]. В первой четверти XX в. советский историк С.Н. Чернов рассматривал источниковедческий характер слухов и отмечал, что их необходимо исследовать в первую очередь по архивным источникам [Цит по: 16].

А.К. Егоров считает, что слухи можно рассматривать с двух точек зрения: как объект исторического исследования и как исторический источник [5]. В свою очередь, О.А. Гайлит, рассматривая онтологическую природу слухов, выделяет слухи как исторический источник и как объект/предмет ис-

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

следования [4]. Почему же происходит такая неопределенность с методологической точки зрения? Во многом это связано со спецификой слухов, а именно с их неуловимостью как в естественной среде обитания исторической эпохи, так и в самих исторических источниках. Нужно также учитывать, что понимание слухов историками и понимание слухов людей, в изучаемом периоде истории может кардинально отличаться. Таким образом, что может посчитать слухом историк, может быть слухом и не являлось вовсе. Это работает также и в обратную сторону, т. е. что раньше, в изучаемой эпохе было слухом, историк может и не интерпретировать вовсе как слух.

Более того, сами историки зачастую не могут «договориться» о том, что такое слух. В данном контексте показательна полемика двух современных историков: В.Б. Аксенова автора монографии, посвященных слухам и общественному мнению в период Первой мировой войны и революции 1917 г. [2]. и С.А. Нефедова, который написал на эту монографию рецензию [14]. Основное «обвинение» С.А. Нефедова было в том, что якобы В.Б. Аксенов неправильно трактует определение слухов. По мнению С.А. Нефедова, слух – «это неподтвержденная неофициальная информация, источник которой неизвестен» [10, с. 289]. В.Б. Аксенов заявляет, что в обществе ходили слухи об ограничении суточной выдачи хлеба, об его отсутствии и т. д. С.А. Нефедов с этим категорически не согласен и заявляет, что это не слух вовсе, поскольку источник этой информации известен – это Петроградская дума.

В действительности, если обратиться к историческим источникам, то выяснится, что слухи об отсутствии хлеба имели место быть. 30 января 1916 г. Л.А. Тихомиров в своем дневнике записал: «А хлеба в Москве не хватает. В Сергиевом Посаде, как слышно, булочные закрываются. Положение тяжелое и тревожное» [20]. Также записи слухов о скором отсутствии хлеба имеются и у Ю.В. Ломоносова [13], на которого ссылается В.Б. Аксенов. С другой стороны, если согласиться с С.А. Нефедовым и предположить, что слух должен иметь обязательно неизвестный источник, то откуда же тогда появляется пресса, специализирующиеся на слухах и сплетнях, которая существовала в империи с середины XIX века*? Ведь источник слухов зачастую был заведомо известен, ими выступали корреспонденты «желтой» прессы. Также на полях Первой мировой войны у Германии была распространена практика распускать нелюбезные слухи про правительства своих противников. Итак, это позволяет нам прийти к выводу, что не всегда слухи имеют неизвестный источник. Соответственно, термин, предлагаемый С.А. Нефедовым, на наш взгляд, не в полной мере отражает феномен слухов. Более удачным является термин, предложенный отечественным исследователем Е.В. Осетровым, на работу которой мы ранее ссылались. В данной статье, рассматривая слухи как феномен революционной повседневности, мы будем опираться именно на этот термин.

Весомый вклад в новейшую историографию повседневной жизни и общественного настроения внес В.Б. Аксенов, который является автором нескольких работ, посвященных слухам накануне и в период революции [1, 2]. Также повседневной жизни посвящены его кандидатская и докторская диссертации. В своей монографии В.Б. Аксенов подошел к проблеме комплексно: он подробно рассмотрел слухи перед Первой мировой войной, во время войны и во время революции. В своих исследованиях он опирался на огромный пласт исторических источников (среди них: архивные материалы, периодическая печать, источники личного происхождения). Причем, В.Б. Аксенов выделял разную природу слухов в деревни среди крестьян и в городе среди рабочих и интеллигенции. Е.А. Закревская, автор рецензии на книгу В.Б. Аксенова, пишет: «Монография полно отображает картину общественного мнения, а широкий спектр используемых автором методов соответствует тенденциям современной постмодернистской историографии – книга не столько отвечает на вопрос о том, что случилось, сколько описывает, как это произошло, как было воспринято современниками и что для них значило» [7].

В его работах также приводятся воспоминания современников, которые подчеркивали влияние слухов на общественное мнение и восприятие событий. В связи с военными неудачами слухи посте-

* В период с 1842 по 1846 гг. в Санкт-Петербурге выходил журнал «Сплетни», редактором которого был П.А. Машков. В 1855 г. Н.А. Добролюбов издал рукописный антиправительственный сборник под названием «Слухи». Данное явление в периодической печати и литературной практике того времени свидетельствует о росте общественной активности и стремлении к выражению несогласия с властями.

пенно трансформировались, участились обвинения в адрес представителей различных этносов (евреев, кавказцев). Проявления антисемитизма и ксенофобии в ограниченном информационном потоке способствовали только усугублению общественных страхов. В.Б. Аксенов также заявляет, что слухи отражали не только тревоги и страхи, но и надежды на изменения в политике. Как мы отмечали ранее, историк анализирует и деревенские слухи. Он представляет их в виде волшебных сказок, используя данные фольклористики, ссылаясь, в частности, на труды советского фольклориста В.Я. Проппа. Историк приводит данные о том, что образ Николая II крестьяне рассматривали с негативной стороны и распускали про него разные слухи. Однако, ряд тезисов, которые приводит В.Б. Аксенов кажутся сомнительными фольклористу Е.А. Закревской.

Е.А. Закревская критикует предложенное В.Б. Аксеновым понятие «сказки о царе и мировой войне», и утверждает, что его попытка создать реконструкцию из отдельных нарративов является произвольной компиляцией, которая не отражает существование какого-либо мифологического подтекста. Она указывает, что это больше смахивает на вольное литературное произведение, чем на строгое фольклорное исследование. Также Е.А. Закревская заявляет, что ссылки В.Б. Аксенова на исследования В.Я. Проппа не поддерживают его аргументацию, а лишь демонстрируют некоторую параллель к литературным обработкам фольклора, присущим XIX в. [7].

Важно подчеркнуть, что нашим основным интересом является не столько анализ характера слухов (были ли они истинными или ложными), сколько то, как эти слухи отражались в дневниках современников событий 1917 г. Мы стремимся понять, почему люди считали необходимым писать в своих дневниках про слухи, интерпретировать их и какие эмоциональные или социальные мотивы двигали ими при этом.

Слухи распространялись по империи не только в разгар самой революции. Они были своеобразным ее предвестником, как считает В.Б. Аксенов [1]. В декабре–январе 1916 г. в дневниках начинает появляться все больше записей об убийстве Г.Е. Распутина. Так, 19 декабря 1916 г. в дневнике у писательницы и литературного критика А.В. Тырковой имеется запись: «Легенды становятся плотью. Уже два дня живем среди сведений и слухов» [21]. Далее она пишет про довольно-таки интересный случай, который произошел с ней в магазине. А.В. Тыркова стала свидетелем телефонного разговора хозяина магазина, в котором говорилось про убийство Г.Е. Распутина: «Что? Распутин убили? Врешь!» [Там же]. По пути домой писательница услышала разговор газетчика с городовым об убийстве Г.Е. Распутина. В дневнике А.В. Тыркова выражает свою радость в связи с убийством старца. Она пишет: «одним гадом меньше, и не было ни капли человеческой жалости. Распутин и те, кто его слушались, убили столько молодых жизней, что одной смертью с ними не расквитаешься» [Там же]. Также в дневнике описывается про распространение слухов якобы о причастии «великокняжеских» кругов к убийству Г.Е. Также сообщается о том, что князь Дмитрий Павлович рассказывал об убийстве открыто и даже с гордостью.

А.Н. Савин на момент написания своего дневника находился в Москве, и по всей видимости весть об убийстве старца дошла до города только на следующей день. Так, 20 декабря 1916 г. автор дневника пишет: «...среди тысячной толпы – как и по всей Москве – быстро разнеслась весть, что убит Г.Е. Распутин, и убит в Юсуповском дворце молодым Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем. Оттого было трудно слушать прения, тем более что позже разнесся слух, что Гришка только ранен, а не убит; позже полиция старалась распустить слух, что Распутин скрыт, а не убит. Но вчера в Невке нашли обмерзший труп. Каковы будут последствия этого “события”, сейчас не знает никто. Слухов и легенд масса» [18].

Симбирск, исходя из записей А.В. Жиркевича, узнал о смерти Распутина 23 декабря (либо только в этот день А.В. Жиркевич решил об этом написать? Ранее об этом записей у него нет). Тем не менее, он пишет: «Убийство в Петербурге знаменитого Григория Распутина сразу захватило скользящее общество в тылу и отодвинуло на задний план злободневные вопросы войны и мира» [6]. Далее следуют рассуждения о негативных качествах старца, о том, что он «крутил» и Александрой Федоровной, и Императором Николаем II. Как свидетельствуют записи в дневнике А.В. Жиркевича в Симбирске хо-

дили слухи, что Г.Е. Распутин убил какой-то великий князь, причем какой именно не сообщается, далее, после убийства он сбежал на Кавказ под охрану Николая Николаевича. Также в дневнике сообщается и об общих настроениях повседневного предреволюционного Симбирска: «Кого ни встретишь, все радуются смерти грязного временщика и ликууют» [6].

Судя по контексту дневника и по тому, что писатель В.Г. Короленко в декабре 1916 г. часто писал про газету «Полтавские ведомости» на момент убийства Г.Е. Распутина писатель находился на Украине, в городе Полтава. По поводу убийства и распространявшихся слухов об этом он начал писать 23 декабря. В своем дневнике он проводит анализ газет и приходит к выводу, что провинция опередила Петроград в написании статей в газетах про гибель старца. Про слухи, в связи с этим написано коротко: «сегодня с утра распространились слухи». Однако за 23 декабря у В.Г. Короленко есть другая запись, посвященная слухам вокруг нового министра Протопопова. Он пишет: «Говорят, что Трепов тоже уходит и будто на его место назначен будет жалкий Протопопов, который уже заранее просит продолжительного отпуска» [11]. Далее он продолжает: «Протопопов ставит тоже свое условие для принятия верховного руководства: не созывать Государственную Думу! Слух, но характерно, что над головой Протопопова носятся такие слухи, а, может, и не слухи» [Там же]. Характерно, что слухи описанные в дневнике В.Г. Короленко, исходят из газет, а не из народа.

В дневнике французского посла в Петрограде М. Палеолога за 23 декабря 1916 г. написано не про само убийство Г.Е. Распутина, а про его похороны. Посол пишет: «чтобы сбить со следа гипотезы и поиски всеобщего любопытства, “охранка” распускает слух, что гроб Распутина был перевезен в село Покровское возле Тобольска, не то в какой-то монастырь на Урале. В действительности погребение происходило очень секретно прошлой ночью в Царском Селе» [17].

Директор императорских театров В.А. Теляковский за 23 декабря записывал о том, что в Петрограде ходит масса слухов касательно убийства Распутина. Причем, один из немногих В.А. Теляковский пытается найти объяснение этим слухам он считает, что у людей разыгралась фантазия. Как признается директор театра ему трудно всему верить [19]. На следующий день, 24 декабря имеется запись про слухи что Императрица, Вырубова и Танеева носят по Распутину траур. Также в народе молва: все, что касается Распутина, запрещено печатать, так что отныне публика будет в неведении того, что совершается. В народе, как нам сообщает В.А. Теляковский говорят, что в деле убийства Распутина принимали участие Преображенские офицеры и офицеры Конной гвардии [Там же]. 25 декабря он записал, что говорят, что дело об убийстве старца приказано прекратить. Есть о Распутине запись и за 27 декабря. В этот день В.А. Теляковский писал про его похороны. Он записывал: «Распутин, говорят, хоронили в 3 часа ночи в Высочайшем присутствии на особой земле, купленной для этого близ Царского. Дочерей его взяла, по одним версиям, Вырубова, по другим, Головина». Далее В.А. Теляковский пишет про слухи о том, что Дума не откроется 12 января [Там же].

Зададимся вопросом: Почему деятель искусства на протяжении достаточно долгого времени в своем дневнике пишет про слухи и про настроения, царившие в предреволюционном обществе? Более того, зачастую он с них и начинает свои записи. Необходимо отметить про его достаточно своеобразную манеру вести дневник. Текст в его дневнике не сплошной, а пронумерованный, вел он так свой дневник с самого начала, а именно с 1898 г. В каждом номере он сообщает про конкретную ситуацию. Причем, с приближением революции слухам и в целом подавленному настроению, неудовольствием политикой и бесконечной войной уделяется им все больше и больше внимания.

Заметим, что по форме, его записи – это дневник хроника [Там же]. И в целом, если анализировать его дневник с самого начала его ведения, то можно заметить интересное. С 1898 г. он так или иначе пишет про какие-либо слухи, которые царили в театре и в столице, однако, до момента первой русской революции слухи эти часто носили «бытовой» характер и были посвящены в основном актерам и сотрудникам театра и часто о премьерах какого-либо спектакля. Русско-Японская война и Первая русская революция освещены В.А. Теляковским скудно, слухов он описывает крайне мало, еще меньше рефлексии в его дневниках по поводу этих событий. Его отношение к революции 1905 г. проследить сложно. На протяжении всего дневника он называет императора и императрицу официально: Государь Импера-

тор и Государыня Императрица соответственно. Следовательно, можно предположить, что до революции он относился к Николаю II и Александре Федоровне с уважением, политика и слухи, не относящиеся к театру, его мало интересовали. В 1911 г. у него всего две сухие записи, констатирующие покушение на Столыпина, про слухи и царящее настроение вокруг этого события он не пишет. В целом, повествование до Первой мировой войны в его дневнике построено практически полностью на записях о театре.

С начала войны произошли изменения. В его дневнике появляются все больше записей ей посвящённых. Однако про слухи, ходившие в Империи, он пишет мало. Трансформироваться его дневник начинает с момента убийства Распутина, которому практически каждый день на протяжении недели были посвящены записи и слухи, ходившие вокруг этого убийства. Во время же революции дневник В.А. Теляковского превращается в своего рода «хронику» революционных событий.

Нумизмат А.В. Орешников 25 декабря был краток. Единственная его запись за день: «Странные слухи ходят об отношениях царской семьи (женской части) к убитому Гришке, прямо чудовищные. Правда ли?» [15]. Причем о каких именно странных и чудовищных слухах сообщает А.В. Орешников становится не ясным. Видимо, данные слухи носили какой-то аморальный подтекст.

Офицер И.С. Ильин в декабре 1916 г. когда находился на фронте. 29 декабря он пишет про то, что ходят слухи про смерть Г.Е. Распутина, однако сам И.С. Ильин в этом до конца не уверен. Но, тем не менее ясно одно – Г.Е. Распутин куда-то пропал – констатирует офицер. 7 января он записал: «Масса самых разнообразных слухов про Распутина – говорят определенно, что он убит – вот хорошо-то, если это только правда» [8]. В это время он находился во Врангелевке (Житомир), соответственно к концу декабря – начало января там было подлинно не известно о том, что Г.Е. Распутин убит еще 17 декабря. Интересно, что записи про Г.Е. Распутина – это единственные записи офицера И.С. Ильина за эти дни.

8 января 1917 г. В.П. Кравков был в Рязани и ехал в этот день в поезде. Разговоры там велись про «кто теперь копеечку наживает» и про смерть Распутина [12]. Более того, как отмечает военный врач, ведутся разговоры о том, что вслед за старцем убит и Штрюмер и Питирим. Когда он решил взять извозчика с ним у В.В. Кравкова состоялся следующий диалог: извозчик говорил ему про то, что царь, далее процитируем: «Разве подлую жену можно слушаться? Баба – что змея... Надо помнить и пословицу: Богу-то молись, а сам ближе к берегу гребись». Ругал он Протопопова и сожалел, что ушли Поливанов и Сазонов. Под конец спросил: «А что, правда, что ее уже заточили в монастырь?» Исходя из контекста беседы можно понять, что до извозчика доходили слухи про то, что царицу заточили в монастырь. Это все, что записал в этот день В.В. Кравков.

28 января Л.А. Тихомиров сообщает, что ходят слухи, что помимо Г.Е. Распутина должны быть убиты Варнава и Питирим. Говорят о заговоре в армии с целью недопущения сепаратного мира или роспуска Думы, о том что скоро в Петроград придут отдельные части для «произведения государственного переворота». «Одним словом страна полна слухов, которые показывают полное падение доверия к управительным способностям Государя и какое-то прямо желание переворота» [20], – приходит к выводу Л.А. Тихомиров. Причем он отмечает, что это настроения не каких-то абстрактных революционеров, но даже и некоторой интеллигенции. 30 января он сообщает в своем дневнике, что слухи дошли до того, что к потенциальному перевороту присоединится Преображенский полк. 23 февраля Л.А. Тихомиров с иронией заметил: «Вот какова “точность слухов”. Сегодня опубликовано, что 22 февр[аля] Государь Император отбыл в Армию» [Там же].

Итак, слухи об убийстве Г.Е. Распутина разнились. Для начала необходимо отметить, что было общее в дневниках. Исходя из анализа записей мы можем выделить общую радость в связи с гибелью старца, поскольку многие тогда считали, что старец – олицетворение зла и беспорядка, которые происходят в империи. Записи свидетельствуют о быстром распространении слухов в столице, в отличие от провинции весть, в которой о загадочной гибели Г.Е. Распутина приходила с опозданием в несколько дней. Источники слухов зачастую неизвестны. Кто-то именует их как «народ», или обходятся записью «говорят», не называя конкретных имен. Однако в дневнике В.Г. Короленко источник ясен – это газеты. Слухи об убийстве Г.Е. Распутина, на наш взгляд, являются индикатором общего волнения подданных империи, в них есть надежда на большие изменения, вплоть до смены власти путем революции.

Литература

1. Аксенов В.Б. Слухи как феномен предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.: функции, источники, сюжеты, последствия // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 9. С. 103–124.
2. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.
3. Блосфельд Е.Г. Заметки о некоторых проблемах исторической науки // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 44–46.
4. Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4(20). С. 45–52.
5. Егоров А.К. Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3-2(148). С. 7–10.
6. Жиркевич А.В. Дневниковые записи // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/34> (дата обращения: 12.01.2025).
7. Закревская Е.А. Рецензия на кн.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое лит. обозрение, 2020. // Вестник культурологии. 2023. № 3(106). С. 223–230.
8. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/949> (дата обращения: 12.01.2025).
9. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М.: Изд-во РГГУ, 1997.
10. Кириллов Д.А. Революция 1917 г. в источниках личного происхождения (в дневниках современников событий). // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2024. № 6(59). С. 36–42. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1735549924.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Короленко В.Г. Дневник. Письма. 1917–1921 / сост. В. Лосев. М.: Советский писатель, 2001.
12. Кравков В.П. // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/1194> (дата обращения: 12.01.2025).
13. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/334> (дата обращения: 12.01.2025).
14. Нефедов С.А. Слухи и революция. Рец. на кн.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3(200). С. 287–293.
15. Орешников А.В. Дневник. 1915–1933 // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/213> (дата обращения: 12.01.2025).
16. Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. 2011. № S15. С. 55–82.
17. Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с франц. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.-Петроград: Государственное издательство, 1923.
18. Савин А.Н. Университетские дела: дневник 1908–1917 // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/1359> (дата обращения: 12.01.2025).
19. Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. 1913–1917. Петербург // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/1376> (дата обращения: 12.01.2025).
20. Тихомиров Л.А. Дневник // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/438> (дата обращения: 12.01.2025).
21. Тыркова А.В. Петроградский дневник // Электронный корпус «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/234> (дата обращения: 25.12.2024).

DMITRIY KIRILLOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE RUMOURS ABOUT G.E. RASPUTIN KILLING ON THE EVE OF THE REVOLUTION IN 1917 (based on the diaries)

The article deals with the study of the rumours about G.E. Rasputin killing on the eve of the revolution in 1917. The author analyzes how the rumours about G.E. Rasputin killing are reflected in the diaries of the events' contemporaries. It is underlined in the study that the rumours played the essential role in the development of the public opinion and expectations associated with the changes in the political life of the country until the revolution.

Key words: rumours, G.E. Rasputin, revolution, diaries, public moods.